

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 339

Л.Е. Мариненко

ПОЛИТИКА СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В ВОПРОСАХ СНАБЖЕНИЯ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ СИБИРИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1930-х гг.

Статья посвящена изучению организации снабжения сельского населения Сибири в первой половине 1930-х гг. В работе исследуется подчиненность системы снабжения курсу форсированной индустриализации и социальные последствия данной политики.

Ключевые слова: сельское население, снабжение, торговля, советская власть, кормовая система.

L.E. Marinenko

THE SOVIET GOVERNMENT POLICY IN RESPECT OF THE SIBERIAN RURAL POPULATION SUPPLY IN THE FIRST HALF OF 1930TH

The article is devoted to the studying of the Siberian rural population supply organization in the first half of 1930th. The supply system subordination to the forced industrialization course is researched and social consequences of the given policy are investigated in the paper.

Key words: rural population, supply, trade, Soviet government, feeding system.

Во второй половине 1920-х гг. население страны начинает испытывать «товарный голод», что являлось прямым следствием курса правительства по вытеснению частного сектора из советской экономики с целью мобилизации всех ресурсов для нужд индустриализации. Форсированная индустриализация и политика государственных заготовок сельскохозяйственной продукции привели к продовольственному кризису.

В условиях разразившегося продовольственного кризиса правительство вынуждено было ввести карточную систему и организовать стабильное обеспечение продуктами питания и товарами народного потребления той части населения, которая работала на нужды индустриализации, то есть работников важных промышленных объектов, предприятий и жителей городов. В реальности же система снабжения соответствовала этатристической модели стратификации в СССР, когда степень материального благополучия отдельного гражданина зависит от того, какое место он занимает во властных иерархиях, в том числе военных, политических, производственных. Все прочие критерии имели второстепенное значение.

Целью данной работы является изучение политики советской власти в области снабжения сельского населения сибирского региона в первой половине 1930-х гг. Методологической основой исследования является концепция модернизации – процесс трансформации традиционного общества в современное. При работе над статьей были использованы принципы объективности, историзма, детерминизма, системный подход, сравнительно-исторический метод.

Карточной системой была охвачена лишь небольшая часть жителей сельских поселений. Государство смогло организовать стабильное централизованное обеспечение лишь той части сельского населения, которая работала на наиболее важных народно-хозяйственных объектах (совхозах, МТС, лесозаготовках). Государственный паек полагался также местному руководству и работникам политотделов совхозов и МТС (машинно-тракторная станция), которые являлись проводниками официального политического курса среди населения. На централизованном снабжении состояли и те слои населения, которые были опорой советской власти в деревне: бывшие партизаны и бедняцко-батрацкие элементы. Паек также выделялся сельской интеллигенции и детям. Остальное сельское население не было обеспечено пайком.

Сплошная коллективизация позволила быстро перераспределить средства из аграрного сектора в промышленный. В этих условиях система снабжения сельского населения должна была подстегивать ход коллективизации и гарантировать стабильное поступление сельскохозяйственной продукции государству.

Сельские поселения снабжались по остаточному принципу. Государственное снабжение основной массы сельского населения было лишь дополнением к принципу самоснабжения деревни. Хотя возможности для этого были ограничены. Методы государственных заготовок продукции в деревне были направлены на получение необходимого количества сельскохозяйственной продукции при минимальной отдаче со стороны государства. Контракция, обязательные поставки государству сельскохозяйственной продукции, натуроплата МТС обеспечивали стране необходимое количество продовольствия и сырья.

В конце 1920-х гг. стал широко применяться метод контракции, при котором сельское население брало на себя определенные обязательства по поставке продукции государству, а оно, в свою очередь, снабжало крестьян промтоварами. Государство бронировало товарные фонды для сдатчиков сельскохозяйственной продукции. В условиях, когда советское правительство разрешило колхозную торговлю, стало очевидно, что крестьянам более выгодно продавать свою продукцию на рынке, нежели сдавать ее по более низким ценам государству. В связи с этим контракция была заменена системой обязательных поставок государству сельскохозяйственной продукции. Государственные заготовки оставляли сельскому населению ничтожную часть продукции для собственного потребления.

Государство покупало сельскохозяйственную продукцию у сельского населения по низким заготовительным ценам, а товары в деревню направляло по высоким коммерческим ценам. Так, за 1931–1934 гг. были увеличены цены для сельской местности в СССР на отдельные виды товаров: хлопчатобумажные ткани на 28%, шерстяные ткани на 77%, швейные изделия на 22%, трикотаж – 22%, обувь – 7%, нитки – 21% [7, с.189]. Торговые надбавки на товары, направляемые в город и село, были разными, последние были выше городских в 1931 году от 3 до 50% [10, с.45]. Данный дисбаланс лишь увеличивался в период карточной системы. В Восточно-Сибирском крае неоднократно на заседаниях бюро крайкома ВКП(б), на основании указаний из центра, рассматривались вопросы о том, что промтовары в деревню необходимо направлять по повышенным коммерческим ценам, исключение в данном случае составляли лишь транспортная кооперация и закрытые рабочие кооперативы.¹ В условиях, когда поток товаров в деревню был нерегулярным и меньшим по сравнению с городом и важнейшими промышленными объектами, изъять денежные средства у сельского населения можно было за счет высоких цен. В противном случае деньги оседали бы у крестьян, а не шли в оборот, что могло оказать влияние на процесс пополнения государственного бюджета. Аграрная политика партии была рассчитана на быструю перекачку средств из фонда потребления села в фонд промышленного накопления.

После сдачи сельскохозяйственной продукции государству, формирования необходимых семенных запасов из небольшой оставшейся части урожая создавались колхозные фонды. Из них на основании выработанных трудодней распределялись между колхозниками оставшаяся продукция и деньги, полученные от государства. Благодаря такому остаточному принципу доходы колхозников, которые складывались на основании вышеуказанного источника, были невелики. Крестьянин Рождественского района, бедняк, бывший партизан в частной беседе говорил по этому поводу: «Советская власть хорошо делает для мужика, хлеб и деньги все взяли, и сдал весь хлеб и отдал все деньги, да еще и не хватило. Вот как хорошо подошли к мужикам. Все взяли, чтобы мужику жилось, и не боялся, что у него есть деньги. Остаться голым на весь год, как тогда жить мужику?»² Голодная жизнь и товарный дефицит были следствием аграрной политики власти. Продовольственные трудности давали о себе знать в восточносибирском регионе на протяжении 1930-х гг., подтверждением тому является постоянный поток жалоб сельского населения на голодную жизнь и перебои в снабжении. Одним из последствий аграрной политики было резкое снижение уровня потребления продуктов питания населением в начале 1930-х гг. [2, с. 3–20].

Государство установило более высокие цены по сравнению с ценами обязательных государственных поставок на сверхплановую заготовку сельскохозяйственной продукции и децентрализованные заготовки. Но и это не обеспечивало высокий доход крестьянам. Основным источником дохода сельского населения являлось личное подсобное хозяйство и колхозная торговля. Советское правительство, в целях насыщения потребительского рынка сельскохозяйственной продукцией и создания материальной заинтересованности крестьян в расширении сельскохозяйственного производства, выпустило в мае 1932 года постановление «О

¹ ЦДНИ ИО (Центр документов новейшей истории Иркутской области). Ф. 123. Оп. 1. Д. 59. Л. 32; ГАИО (Государственный архив Иркутской области). Ф. 602. Оп. 1. Д. 34. Л. 9.

² ЦХИДНИ КК (Центр хранения и изучения документов новейшей истории Красноярского края). Ф. 96. Оп. 1. Д. 717. Л. 200.

порядке производства торговли колхозов, колхозников и трудящихся единоличных крестьян и уменьшении налога на торговлю сельскохозяйственными продуктами». Постановление отменяло все существующие республиканские и местные налоги с торговли колхозов, колхозников и единоличников. Колхозная торговля должна была осуществляться по свободно складывавшимся на рынке ценам. Доходы от торговли колхозов и колхозников не облагались налогом, а единоличники должны были уплатить 30% от полученной прибыли [13, с. 388–389].

В целом по стране цены колхозных рынков превышали государственные закупочные по зерновым культурам в 30 раз, а по продуктам животноводства в 6–10 раз [3, с. 96–97]. Крестьянам было более выгодно продавать свою продукцию на рынке. Чтобы избежать сокращения государственных заготовок, правительство ввело ограничение: крестьяне могли продавать свою продукцию на колхозном рынке лишь после выполнения плана обязательных поставок государству. В архивах Красноярского края отложился большой массив постановлений местного руководства, регламентирующий срок начала колхозной торговли в Красноярском округе в зависимости от выполнения государственного плана.

Доходы крестьян от колхозного рынка в первой половине 1930-х гг. постоянно росли. Особенно высокие темпы роста наблюдались после 1932 года, когда доля прибыли от колхозного рынка доходила почти до 70% совокупного дохода крестьянской семьи. Такой уровень стал возможен благодаря высоким ценам на продукты питания на рынке в условиях продовольственных трудностей и недостаточного объема централизованных товарных фондов. Для жителей городов и рабочих поселков колхозный рынок являлся необходимым дополнением к минимальному пайковому снабжению. К середине 1930-х гг. эта статья доходов сократилась до 46% [6, с. 343], что было обусловлено переходом к «свободной» торговле, увеличением рыночных товарных фондов и введением единых розничных цен. Специфической особенностью колхозной торговли Восточной Сибири был более высокий уровень цен на продукты питания. Такой уровень цен был обусловлен тем, что в силу аграрной специфики региона объем централизованных товарных фондов продуктов питания здесь был значительно ниже, чем в крупных промышленных районах. Поэтому и потребность в продуктах жителей городов и рабочих поселков в большей степени, чем в других районах СССР, покрывалась за счет колхозного рынка. Это позволяло сохранять высокие цены на сельскохозяйственную продукцию колхозного рынка.

Е.А. Осокина в своих исследованиях отмечает, что из продовольственных товаров в Восточную Сибирь в начале 1930-х гг. стабильные централизованные поставки были лишь по соли, муке, крупе на среднем уровне по сравнению с другими регионами, что позволяет ее отнести к региону низкого типа распределения [12, с. 155–173].

З.К. Звездин на основе обследования денежных доходов и расходов сельского населения страны в 1931–1932 гг. сделал вывод, что в структуре денежных доходов крестьян преобладали два вида доходов – от неземледельческих занятий и от продажи продуктов на рынках по высоким ценам. Уровень денежных доходов отдельных деревень зависел от степени приближенности их к городскому рынку [4, с. 325]. Его мнение подтверждают данные о том, что в 1933 году колхозы и колхозники в СССР получили от продажи на базарах собственной продукции прибыль на сумму 10 млн руб., в 1934 г. – 14 млн руб., а в 1935 г. – 16 млн руб. [9, с. 20].

Покупательная способность сельского населения Красноярского округа в 1932–1933 гг. по сравнению с 1927–1928 гг. выросла в основном за счет этих источников доходов с 14,3 до 55,5 млн руб.³ Очевидно, что доходы сельского населения росли быстрее, чем товарные ресурсы, направляемые в деревню. Именно благодаря высоким прибылям от колхозного рынка сельское население могло приобретать промышленные товары в городских коммерческих магазинах и на рынке, при отсутствии таковых в сельской торговой сети.

Если рассмотреть структуру расходов сельского населения СССР на приобретение продуктов питания и промышленных товаров, то в 1930–1932 гг. удельный вес расходов на промтовары в ней составил около 40–50%, причем значительная часть покупок была совершена на рынке, что свидетельствует о товарном дефиците в государственной торговой сети. Удельный вес покупок крестьян в государственной и кооперативной торговле составлял всего около 25% [4, с. 326]. В СССР колхозники в начале 1930-х гг. покупали необходимые товары и продукты на 83,9% в деревне, а 16,1% их покупок приходилось на городскую торговлю. Единоличники в сельской торговой сети делали 85% покупок, а в городе 15% [4, с. 330].

Поскольку зависимость восточносибирского региона от централизованных товарных фондов была сильной, то объем поступления продуктов питания и промышленных товаров из центра определял и уровень обеспеченности населения Восточной Сибири необходимой продукцией. Распределение товарной массы между регионами СССР зависело от народнохозяйственного значения каждого района и его вклада в процесс индустриализации.

³ ГАКК (Государственный архив Красноярского края). Ф. 1301. Оп. 1. Д. 18. Л. 69.

Наиболее привилегированное положение в структуре снабжения СССР занимали Москва и Ленинград, что объясняется этакратическим принципом иерархии снабжения. В начале 1930-х гг. численность населения столицы составляла лишь 2% от численности всего населения страны, а централизованные фонды товаров для Москвы составляли 15–20% всех городских товарных фондов государства. Ленинград получал около 10% от общего объема городского товарного фонда СССР. В эти два города направлялось около трети промышленных товаров, предназначенных для снабжения населения всех городов страны [11, с. 109].

Товарные фонды страны неравномерно распределялись среди населения. Выделялись отдельные товарные фонды для города и села, фонды внерыночного потребления (для нужд армии, пошива спецодежды, госбюджетных учреждений и др.), специальный резервный фонд товаров [13, с. 365–366]. В 1930–1931 гг. объем внерыночного фонда рос быстрее, чем рыночного [14, с. 307]. Но с 1932 года началось сокращение внерыночных фондов планируемых товаров. Они были сокращены по сравнению с 1931 годом на 16%, освобожденные товарные ресурсы были направлены для реализации среди населения. Благодаря этому рыночные фонды товаров в этом же году выросли на 11%, а их удельный вес во всей товарной продукции страны составил 70,3% [5, с. 445]. Данная тенденция сохранялась и в последующие годы. Под воздействием экономического кризиса в 1932 году советское руководство осуществляло планирование на более реалистичных основаниях. И в том числе это затронуло внутреннюю торговлю, правительство стремилось оживить товарооборот. И.В. Сталин сказал по этому поводу: «Производственная смычка между городом и деревней есть основная форма смычки. Но одной лишь производственной смычки недостаточно. Ее нужно дополнить смычкой товарной, для того, чтобы связь между городом и деревней стала прочной и неразрывной. Этого можно добиться лишь через развертывание советской торговли» [1, с. 91]. Торговля, по мнению руководства, являлась инструментом для изъятия денежных средств, имевшихся у населения, и перераспределения их в фонд промышленного развития.

Товарооборот сельской местности складывался из двух элементов. Первая часть товарных фондов имела целевое назначение (для отоваривания заготовок сельскохозяйственной продукции, рыбы, леса, снабжения Севера). Данные товары поступали в деревню в зависимости от выполнения трудящимися государственных планов заготовок. Доля целевых фондов была относительно велика, в 1933 году их удельный вес составил 40% всего сельского фонда планируемых товаров в СССР. Вторую часть составляли товарные ресурсы, которые направлялись в сельскую торговую сеть, и не зависели от выполнения жителями села планов по заготовке различных видов продукции.

В основе снабжения основной массы сельского населения лежал принцип стимулирования государственных заготовок. Создавались специальные товарные фонды, которые поступали в сельскую местность в период уборочной кампании. Не случайно основная масса товаров в сельскую местность поступала преимущественно в третьем – четвертом квартале, когда можно было судить об итогах выполнения плановых обязательств. Объем товарных фондов, направляемых в деревню, зависел от значения каждого отдельного района в хлебозаготовительной кампании и от выполнения колхозниками плана государственных заготовок продукции.

При выполнении плана хлебозаготовок производилось премирование сельского населения. Колхозы за каждый пуд сданного хлеба получали товаров на 35 коп., индивидуальные хозяйства на 30 коп. В случае перевыполнения плана, установленного государством, крестьяне получали за каждый пуд сданного сверх нормы хлеба на 40 коп. товаров.⁴ Для сравнения, в первой половине 1930-х гг. в Восточной Сибири средняя цена на шапку-ушанку в розничной торговой сети была от 12 до 20 руб.⁵ Это значит, чтобы заработать деньги на покупку шапки единоличник должен был сдать государству около 66 пудов хлеба.

В основу распределения товарных фондов, предназначенных для хлебозаготовительной кампании, среди сельского населения был положен классовый принцип, колхозники имели преимущества по сравнению с единоличниками. На заседаниях президиума правления Восточно-Сибирского края при обсуждении вопросов о подготовке к посевной и уборочной кампании давалось указание, что при получении товаров для хлебозакупочной кампании колхозники, батраки и бедняки имеют преимущество перед единоличниками, они снабжались в первую очередь и на 25–30% больше, чем единоличники. Кулаков же предполагалось вовсе не снабжать дефицитными товарами.⁶ И в ряде случаев зажиточные крестьяне действительно не получали промтовары из этого фонда.

⁴ РГАЭ (Российский государственный архив экономики). Ф. 5240. Оп. 9. Д. 493. Л. 13.

⁵ ГАКК. Ф. 1478. Оп. 1. Д. 1155. Л. 9.

⁶ ЦДНИ ИО. Ф. 2526. Оп. 1. Д. 8. Л. 28.

Количество направляемых товаров в сельскую местность отнюдь не зависело от численности населения определенных районов или потребности их в промышленных товарах, в расчет брался лишь факт выполнения ими плана хлебозаготовок. В случае невыполнения взятых обязательств колхозниками руководство вовсе не направляло в этот район товары. В красноярских и иркутских архивах находится огромное количество директив центрального и местного руководства, категорически запрещавших заранее отправлять товары крестьянам в счет будущего урожая, административных взысканий местному руководству, которое распределяло товарный фонд, не учитывая выполнения плана хлебозаготовок колхозами. Государство бронировало специальные товарные фонды для сельского населения, которое производило различные виды заготовок. Так, постановлением Народного Комиссариата снабжения РСФСР от 8 октября 1931 года давалось указание ГОРТУ (Государственное объединение розничной торговли) с 15 ноября необходимо было открыть при заготовительных пунктах, складах и базах отраслевых объединений Наркомата снабжения 600–700 торговых лавок по областям, краям, республикам. Через эти лавки происходила продажа промтоваров, выделенных для стимулирования заготовок скота, птицы, яиц, молока и масла⁷.

И здесь распределение промтоваров среди крестьян осуществлялось в соответствии с классовой линией. В начале 1930-х гг. колхозники, производившие заготовку сельскохозяйственных продуктов и сырья, могли получить товаров на 30–40% от полученной суммы, а единоличники на 25–30% [10, с. 45]. В Красноярском округе в 1930 году нормы выдачи товаров были следующими: при сдаче шерсти, молока, льна и пеньки товары выдавались в размере 30% от полученной сдатчиками суммы, яиц – 20%, утильсырья, щетины, волоса – 15%.⁸

В условиях товарного дефицита жители деревни готовы были сдавать продукцию государству при условии наличия необходимых промтоваров. Крестьяне предпочитали подобный товарный обмен, зная из собственного практического опыта, что наличие денег еще не гарантирует покупку необходимой продукции. Но зачастую дефицитные товары отсутствовали в сельской торговой сети, а обменивать продукцию на товарные квитанции или обещания сельское население не хотело.

Из-за остаточного принципа формирования сельских товарных фондов размер товарооборота города и села значительно отличался. Вопреки тому, что сельское население по своей численности в РСФСР почти в три раза превосходило городское, меньшая доля промтоваров и продуктов направлялась в деревню. Соотношение городского и сельского товарооборота государственной и кооперативной торговли в начале 1930-х гг. было следующим: розничный товароборот, включая общественное питание, в расчете на душу сельского и городского населения определялся соответственно соотношением 1:7 [5, с. 460].

Более высокие нормы снабжения городов и важных промышленных объектов по сравнению с деревней порождали в среде крестьян негодование по поводу данной диспропорции и негативное отношение к рабочим и служащим.

Система снабжения населения села, подчиненная интересам форсированной индустриализации и сплошной коллективизации, обеспечивала крестьянам лишь минимальное количество промтоваров и продуктов питания. Недостаточное снабжение часто становилось одной из причин бегства крестьян в города. Городское население в 1930-е гг. росло преимущественно за счет механического прироста. Отток сельского населения из деревни происходил разными способами: через вербовку рабочей силы на стройки и сезонные работы, для продолжения учебы в городе, службу в армии. Особенно большие масштабы миграции жителей села наблюдались в начале 1930-х гг. В 1930 году более 2 млн крестьян страны переселились в город, в последующем еще 4 млн. И это при том, что в 1920-е гг. в среднем ежегодная миграция сельского населения в города составляла около 1 млн чел [17, с. 96]. В 1932 году прирост городского населения России составил 1872,9 тыс. чел, из них выходцами из села были 1754,8 тыс. чел. В 1933 году численность городского населения России увеличилась, причем на 54,57% за счет миграции из деревни [8, с. 227]

Масштабы добровольной миграции крестьянства несколько снизило принятие паспортной системы в стране в 1932 году, но сельское население находило иные способы, чтобы покинуть деревню. Одной из основных причин механического прироста численности городского населения являлась индустриализация, следствием которой являлись урбанизационные процессы. В то же время можно отметить, что город притягивал сельское население лучшими условиями жизни, и в том числе в сфере снабжения, что способствовало добровольной миграции крестьян из деревень.

⁷ ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. 410. Оп. 1. Д. 92. Л. 62.

⁸ Дефицитные товары сдатчикам шерсти, молока, яиц, льна и пеньки // Красноярский рабочий. 1930. 10 авг. №177. С.4.

Таким образом, можно сделать вывод, система снабжения сельского населения в первой половине 1930-х гг. была подчинена курсу форсированной индустриализации. Политика партии была направлена на то, чтобы в короткие сроки добиться перераспределения средств из аграрного сектора в промышленный. Система снабжения в первой половине 1930-х гг. являлась инструментом для подстегивания хода коллективизации и должна была обеспечивать государству стабильное поступление сельскохозяйственной продукции.

Благодаря такой системе снабжения удалось добиться быстрой перекачки средств из фонда потребления населения в фонд промышленного накопления. Государство, направляя все ресурсы на нужды индустриализации, не могло обеспечить в полном объеме промышленными товарами и продуктами питания жителей села. Уровень потребления сельским населением продуктов сократился. Причем в первую очередь это касалось тех продуктов, которые крестьяне получали за счет личного подсобного хозяйства в начале 1930-х гг. Поэтому продовольственные трудности и голод затронули именно сельское население. Качество жизни людей было принесено в жертву формирующейся индустрии.

Крайне скудное и неравномерное снабжение сельских поселений формировало в крестьянской среде мнение о невозможности изменить свое материальное положение в деревне. Поэтому крестьяне бежали от земли, в поисках лучшей жизни, в города. Можно сделать вывод, что политика снабжения 1930-х гг., наряду с объективными факторами модернизации, стимулировала «внешнее раскрестьянивание» – отток сельского населения в города.

Литература

1. *Болотин З.С.* Вопросы снабжения. – М.-Л.: Гос. социально-экономическое изд-во, 1935. – 142 с.
2. *Волков И.М., Выпцан М.А., Зеленин И.Е.* Вопросы продовольственного обеспечения населения СССР (1917–1982 гг.) // *История СССР*. – 1983. – №2. – С.3–20.
3. *Дихтяр Г.А.* Советская торговля в период социализма и развернутого строительства коммунизма. – М.: Наука, 1965. – 402 с.
4. *Звездин З.К.* Материальные обследования денежных доходов и расходов сельского населения в 1931–1932 гг. // *Источниковедение истории советского общества*. – Вып.2. – М., 1968. – С. 325.
5. *История социалистической экономики СССР: в 7-ми т. Т.3 / под ред. И.А. Гладкова, А.Д. Курского, А.И. Косого*. – М., 1977. – С. 445.
6. *Крестьянство Сибири в период строительства социализма, 1917–1937 гг. / под ред. Н.Я. Гущина, Л.М. Горюшкина, В.Т. Агалакова*. – Новосибирск: Наука, 1983. – С. 343.
7. *Малафеев А.Н.* История ценообразования в СССР (1917–1963). – М.: Мысль, 1964. – 439 с.
8. *Население России в XX вв.: в 3-х т. Т.1 / под ред. В.Б. Жиромской*. – М.: РОССПЭН, 2000. – 463 с.
9. *Нодель В.А.* Ликвидация карточек, снижение цен и развернутая советская торговля. – М.: Партиздат ЦК ВКП(б), 1935. – 55 с.
10. *Осокина Е.А.* Иерархия потребления о жизни людей в условиях сталинского снабжения, 1928–1935 гг. – М.: Изд-во МГОУ, 1993. – 144 с.
11. *Осокина Е.А.* За фасадом "сталинского изобилия": распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации, 1927–1941. – М.: РОССПЭН, 2008. – 351 с.
12. *Осокина Е.А.* Характер демографических процессов и система централизованного снабжения продовольствием в 1933 г.: опыт работы с базой данных по торговой и демографической статистике // *Россия и США на рубеже XIX–XX вв.* – М., 1992. – С.155–173.
13. *Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Сборник документов за 50 лет: в 5-ти т. Т.2*. – М., 1967. – С.365–366.
14. *Рубинштейн Г.Л.* Развитие внутренней торговли в СССР. – Л.: Изд-во ЛУ, 1964. – 396 с.
15. *Советская торговля в новой обстановке. Итоги 1935 г. и задачи 1936 г.* – М.-Л., 1936. – 56 с.
16. *Товарооборот за годы реконструктивного периода*. – М.: Госторгиздат, 1932. – 175 с.
17. *Фицпатрик Ш.* Сталиньские крестьяне: Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. – М.: РОССПЭН, 2001. – 421 с.